

Вег. Москва, 1985, Июль.

ТРУДНОЕ ПЛАВАНИЕ

В самом деле, это было нелегкое плавание по реке, имя которой — Время. Шли военные годы. И «вдовий парходом» люди назвали квартиру, где поселились вдовы. Пять комнат — пять неповторимых женских судеб, полных тревог, невыплаканных слез, мучительного ожидания. Все вместе они образуют своего рода целостный, коллективный портрет — неосуществленное из-за войны материнство, потому что вырастить ребенка удалось лишь одной Анфисе, а остальные приняли посильное участие в том, чтобы поставить на ноги ее сына, отдав ему частичку своей нерастратченной материнской любви. О том, что произошло из этого, рассказано в спектакле «Вдовий парход» Театра имени Моссовета по одноименной повести писательницы И. Грековой.

При своем появлении повесть И. Грековой привлекла читателей свежестью и точностью в изображении разнообраз-

ных женских характеров, а также острой постановкой вопроса не только об ответственности детей перед родителями, но и родителей перед детьми. Об ответственности военного поколения, прошедшего через тяжкие испытания, перед следующими поколениями, жизнь которых они постарались сделать максимально легкой, счастливой.

Сценическая композиция выстроена И. Грековой и П. Лунгиным таким образом, что действие как бы обрамлено поминками по Анфисе, а между ними — воспоминания, рожденные потребностью героинь еще раз просмолетреть свою жизнь, найти в прошлом объяснение настоящему. Четыре немолдые женщины и один, ожесточившийся до ненависти ко всем и всему, в особенности к самым близким людям, молодой человек. Кто он,

Вадим? В чем они виноваты перед ним? За что ответственные?

Спектакль по-настоящему полифоничен. И вместе с тем в нем есть не несколько ведущих женских партий — своего рода соло-исповеди героинь. Талантливые актрисы Театра имени Моссовета — Э. Бруновская, Т. Бестаева, Г. Дашевская, Н. Тенякова и дебютировавшая здесь О. Остроумова — играют с подъемом, каждая открывает неожиданные стороны своего дарования. Внимание режиссера Г. Яновской всецело приковано к анализу психологии героинь.

Первый акт спектакля посвящен показу того, как в ссорах и спорах, подчас весьма драматических столкновениях сформировалась «квартирная семья». Решающим моментом явилось возвращение с фронта Анфисы — Остроумовой, ожи-

дающей ребенка. Этот еще не родившийся человек заставил всех женщин настоятельно думать о его будущем. Театр следует за автором и своеобразно развивает идейные, эмоциональные мотивы повести.

Чего только стоят три интермедии Паньки — Н. Теняковой! Первая — когда, как заправская хозяйка, она, отстранив всех, накрывает поминальный стол, вторая — когда, досадуя на бережливую Анфису, сама с мужской силой передвигает тяжелый шкаф, и третья — когда она с гордостью преподносит молодой матери добытую с трудом в военные годы детскую кроватку...

А лицо Анфисы — Остроумовой, вернувшейся из родильного дома, сияет такой чистой радостью, выражает столь всеобъемлющее счастье, что она

напоминает прекрасные в своей возвышенной красоте изображения мадонн с младенцем. И именно в этот миг начинает оттаивать сердце искалеченной физически и духовно Ольги Флеровой — Г. Дашевской, в памяти суровой и сварливой Капы — Т. Бестаевой встает образ ее умершего сынишки Коленки. Экзальтированная Ада Ефимовна — Э. Бруновская твердит, как заклинание: «Материнство — великий акт».

Эмоциональный и смысловой настрой во второй части спектакля резко меняется. Теперь в центре — Вадим (А. Сергеев). Кроме Анфисы, все героини отодвигаются на второй план. Они выступают преимущественно как свидетельницы разбитости «дела» Вадима, которое ими же и ведется; их личные судьбы становятся несущественными в развитии дейст-

вия. Как могло случиться, что, опекаемый сразу пятью женщинами, Вадим стал прожженным эгоистом, более того — моральным преступником?

Первой и главной «виновницей» выступает Анфиса Остроумовой, любовь которой к сыну одна из соседок справедливо назвала «рабьей любовью». Дебют О. Остроумовой на сцене Театра имени Моссовета прошел удачно. Она внесла свои краски в образ, созданный писательницей: ее Анфиса нежнее, женственнее, нежели героиня повести. Она — воплощение материнского счастья и материнских бед, жертва своих чувств и одновременно, сама того не ведая, до некоторой степени деспот, уверенная, что лучше сына знает, как устроить его жизнь. Но доля «рабьей любви» к Вадиму проявлялась и в отношении к нему других

представительниц поколения матери.

Нельзя воспитать человека, не научив его преодолевать трудности; нельзя, чтобы у него сложилось убеждение в том, что можно только брать от людей — заботу, помощь, ничего не отдавая взамен. Душа, исключительно лишь берущая, неизбежно оскудевает. Уверовав в детстве, что он «самый лучший» из детей, Вадим ощутил чувство ущемленной гордости, когда понял, что он вовсе «не самый лучший». Раздражение на все и всех охватило этого красивого и сильного парня. Ведь когда человек способен только брать от других людей, ему всегда мало того, что он получает. В общем, А. Сергеев играет Вадима так, как его задумала И. Грекова. Но чего-то в игре актера (и в повести, также) не

хватает. Скорее всего недостает перспективы развития характера.

Задумит ли Вадима приязнь к людям, задохнется ли он в той душевной пустоте, на которую обрек себя, или у него хватит сил уже после смерти матери начать жить по-другому? На сцене трудно передать ту надежду, которую выражают заключительные слова повести: «Однажды ночью Вадиму приснился сон. Ему приснились сразу все его вины перед матерью. Их было много, так много, что он изнемог и заплакал. Он проснулся, и подушка его была мокра. С этой проплаканной горько-соленой подушки началась для него новая жизнь». В спектакле Вадим — Сергеев пронесит специально написанную фразу: «Мама, прости меня, и вы, тоже простите, если можете». В сущности прощение должно быть взаимным, и заслужить его нелегко.

А. ОБРАЗЦОВА.